

Погребная Яна Всеволодовна

Научный руководитель , профессор кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения

Ставропольский государственный педагогический институт

(г. Ставрополь, Россия)

Чепурова Екатерина Игоревна

студентка 6 курса, группы РЛ-20-з, гуманитарного факультета заочного и дистанционного образования

Ставропольский государственный педагогический институт

(г. Ставрополь, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА КОНЯ И ВСАДНИКА В ТЕКСТАХ А. С.

ПУШКИНА

Аннотация: в статье исследуется образ коня и всадника в творчестве А. С. Пушкина как многогранное художественное и символическое явление. Автор показывает, что лошадь в жизни и произведениях поэта выступает не только как средство передвижения, но и как верный спутник, объект эстетического восхищения, символ мужества, свободы, поэтического вдохновения и даже государственной власти. На основе анализа стихотворений, прозы, рукописей и графических набросков Пушкина раскрывается глубина его личного отношения к лошади, а также многообразие ее функций в художественном мире поэта – от реалистического описания до аллегорического и мифологического значения. Особое внимание уделено конным автопортретам Пушкина, его рисункам, в которых отражаются творческие замыслы и личные переживания, а также символике коня в ключевых произведениях , таких как «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Песнь о вещем Олеге» и «Борис Годунов». Статья подчеркивает, что образ лошади пронизывает все творчество Пушкина, являясь важным элементом его

поэтической системы и свидетельствую о тесной связи между жизнью, творчеством и внутренним миром великого русского поэта.

Ключевые слова: конь, лошадь, всадник, А. С. Пушкин, символ, творчество, рисунки Пушкина, Евгений Онегин, Медный всадник, Песнь о вещем Олеге.

Лошадь была не просто транспортным средством. Хороший конь дорогого стоил, к нему относились как к товарищу и соратнику, его любили, холили и лелеяли. А.С. Пушкин в этом отношении, конечно, не исключение. Поэт был ловким наездником, любил прогулки верхом в любое время года, много путешествовал в экипажах. Наслаждение от верховой езды воспето им в стихах[1]:

Как быстро в поле, вокруг открытом,

Подкован вновь, мой конь бежит!

Как звонко под его копытом

Земля промёрзлая звучит!

«Как быстро в поле, вокруг открытом...». 1828

Пороша. Мы встаём и тотчас на коня,

И рысью по полю при первом свете дня;

Арапники в руках, собаки вслед за нами[2]...

«Зима. Что делать нам в деревне?..». 1829

Однако зимой верховая езда по скользкому льду была опасна даже для такого хорошего наездника, как Пушкин. 28 января 1825 года он писал П.А.Вяземскому из Тригорского в Москву: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадьёю: большая разница для моего

наезднического честолюбия». Скорее всего, это событие Пушкин имел в виду в XLIII(43) строфе IV главы «Евгения Онегина»:

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лёд,
Того и жди, что упадёт.

Известно три конных автопортрета поэта. Первый автопортрет он набросал карандашом в 1826 году в черновиках V главы «Евгения Онегина» (ПД 836, л. 42). Пушкин изобразил себя в широкополой шляпе, ловко сидящим на жеребце. Поза всадника статична, но в ней чувствуется внутреннее напряжение, словно он вот-вот собирается пришпорить своего коня. Жеребец очень красив. Возможно, это тот самый аргамак[5], которого упоминает Н.М. Языков в стихотворном послании к П.А. Осиповой от 8 декабря 1827 года[3].

Два других конных автопортрета Пушкина относятся к 1829 году и связаны с путешествием поэта в Арзрум к месту военных действий. Оба портрета очень динамичны. Первый находится в черновике стихотворения «Делибаш» (ПД 911): поэт мчится на лошади в широкополой шляпе и бурке на фоне пологих гор. В стихах говорится о схватке бесстрашного турецкого воина делибаша с не менее отважным русским казаком. Продолжением этой темы стало изображение мчащегося турецкого бойца с обнажённой саблей, сделанное поэтом в альбоме (ПД 1723) своей московской знакомой Елизаветы

Николаевны Ушаковой[5]. В этом же альбоме (л. 74 об.) находится самый известный конный автопортрет Пушкина в бурке и с копьём. Пушкин словно «примерял» на себя роль участника сражений с турками, очевидцем которых ему довелось быть.

Необычным и очень оригинальным автопортретом поэта является тот, где поэт изобразил себя в виде... лошади. В автографе стихотворения «Андрей Шенье» (ПД 835, л. 60 об.) среди красивых конских голов начертан вытянутый, имеющий сходство с одновременно с лошастью и обезьяной, но вполне узнаваемый профиль поэта[6]. Пушкин на этот раз «примерял» на себя образ лошади, приоткрывая тайны своей «творческой лаборатории», когда автор «перевоплощается» в своих героев, даже если это животные. В стихотворении «Андрей Шенье» многие строки посвящены именно поэтическому творчеству, осмыслению роли поэта в обществе, хотя напрямую автопортрет в образе лошади с текстом стихотворения «Андрей Шенье» не связан. Кони здесь упоминаются в переносном смысле.

Согласно «Словарю языка Пушкина»[7], поэт упоминает лошадей 579 раз в таких вариантах: лошадь (277), лошадка (6), лошак (2), конь (269), кобыла (9), кобылица (3), кобылка (7), жеребец (6). Кроме того, 11 раз встречается в его произведениях легендарный Пегас. Слово «лошадь» чаще употребляется Пушкиным в прозаических произведениях при упоминании гужевого транспорта. В стихах преимущественно фигурирует более поэтическая форма «конь», причём без соотнесения с полом.

В рукописях Пушкина многочисленны изображения лошадей, полных красоты, изящества, экспрессии движений. Голова лошади - самый первый рисунок поэта в лицейской тетради (ПД 829, л. 26). Это автоиллюстрация к стихотворению «Усы» о разудалом гусаре, которому мудрец даёт наставления:

Весёлый гость, любовник пылкий,

За чьё здоровье бьёшь бутылки?

Коня, красавиц и усов.

На л. 33 поэт вновь набросал голову лошади в черновике стихотворения «Разлука»[8], где говорится о страданиях покинутого любовника. Лошадь склонилась, видимо, к воде. Изображение расположено возле слов «О милый друг!», в окончательном варианте «О, милая...»:

О милая, повсюду ты со мною:

Но я уныл и втайне я грущу.

Блеснёт ли день за синею горою,

Взойдёт ли ночь с осеннею луною –

Я всё тебя, прелестный друг, ищу...

На первый взгляд, рисунок не имеет отношения к стихотворению. Но если вспомнить, что лошадь может символизировать женскую красоту и любовное вожделение, все становится ясным. Лошадиная голова на рисунке вполне женственна. Позднее поэт будет не раз обращаться к эротической символике лошади, однако в лицейской тетради она скорее исключение, чем правило. И в стихах, и на рисунках конь – знак героической темы, символ мужества и воинской отваги[9].

В лицейской тетради на л. 45 юный Пушкин изобразил увитую цветами урну на холме, скорее всего, могильном. Над нею – раскидистое дерево с висящей на ветке лирой. На обороте этого листа под черновиком неоконченной элегии «Позволь душе моей открыться пред тобою...» поэт нарисовал саблю, пистолет и коня без всадника[4], покрытого попоной, набросал портрет гусара. Рисунки с текстом элегии прямо не связаны. С одной стороны, это своего рода иллюстрация к стихотворению А.В. Жуковского «Певец», где говорится о могиле поэта, а, с другой стороны, возможно, какой-то новый замысел о гибели певца на дуэли или в схватке. Позднее он воплотится в «Евгении Онегине». А

образ коня без седока, бродящего около погибшего хозяина или одиноко скачущего с поля сражения, в творчестве Пушкин встречается неоднократно.

В черновике «Кавказского пленника» (ПД 46, л. 4) Пушкин рисует осёдланную лошадь, скачущую без седока, около стихов:

Свобода! он одной тебя
Ещё искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волнением песни он внимал,
Одушевлённые тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

В рукописи неоконченной поэмы «Тазит» (ПД 842, л. 6) есть зарисовка памятника Петру I в Петербурге, но без фигуры императора-реформатора. Так Пушкин ещё в 1829 году обозначил замысел поэмы «Медный всадник», но не только это. Л.А. Краваль отметила: «Думается, что конь со скалой, но без всадника – это Россия «без удерживающего». Поэтому на рисунке конь – это не «гордый конь», конь-огонь, а грациозная трепетна лошадка, цивилизованная, экипированная. Испуганная, зависшая над бездной; потому и раздавленный было змей поднял голову, потому и скала треснула»[10]. В линии трещины, ассоциировав её с картой, исследовательница увидела очертания кавказского побережья Чёрного моря и Каспия и сделала интересный вывод: «Рисунок наглядно показывает, как мысль об усмирении беспокойных горских народов, о проповедании Евангелия на Кавказе из поэмы о черкесе-христианине Тазите переселилась в идею самодержавия «Медного всадника».

Идея уподобления государственного управления обузданию строптивых лошадей прозвучала у Пушкина в «Борисе Годунове». В сцене в царские палатах слова Басманова Годунову таковы:

Всегда народ к смятенью тайно склонен:

Так борзый конь грызёт свои бразды;

На власть отца так отрок негодует;

Но что ж? конём спокойно всадник правит,

И отроком отец повелевает.

В «Медном всаднике» конь – грозный, поднявшийся на дыбы, символизирует мощь обновлённой петровской России.

Рисунки, запечатлевшие творческие замыслы поэта ещё до их воплощения в слове, в пушкинских рукописях встречаются довольно часто. Среди них есть зарисовки лошадей и всадников. Один из примеров – упомянутый выше рисунок в черновиках «Тазита». Другой яркий пример – два наброска быстро мчащегося паладина в черновике «Полтавы» (ПД 838, л. 52). К сочиняемым в этот момент строкам о допросе Кочубея в тюремной камере Орликом рисунки явно не имеют отношения. Они, по определению Т.Г. Цявловской[11], относятся к замыслу стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», о паладине, избравшем дамой сердца Пресвятую Богородицу. Толкование этих рисунков неоднозначно. Так, Л.И. Краваль[12] увидела сходство более крупно нарисованного поэтом рыцаря, сидящего на коне в статичной позе с гордой осанкой, с силуэтом императора Николая I, которого называли «рыцарем Европы», по словам Генриха Гейне. Рисунок, по мнению исследовательницы, свидетельствует о напряжённом ожидании Пушкиным решения царя по делу о богохульной поэме «Гавриилиада». Нам же представляется, что эти рисунки поэта имеют отношение не только к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный...», но и к картинам Полтавского сражения, (л. 61-68 той же тетради). Русские кавалеристы,

защищая своё отечество и свою веру, разили воинов Карла XII и Мазепы, подобно тому, как средневековые рыцари бились с мусульманами.

Великий поэт в своих тетрадях рисует лошадей гораздо чаще, чем любых других животных. В дополнительном 18-м томе собрания сочинений, выпущенного издательством «Воскресение» к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина опубликовано более 400 рисунков. Лошади изображены на 35-ти из них, кошки – на 10-ти, собаки – на 3-х, змеи - на 3-х. Особенно оригинален рисунок в черновике 8-го письма «Романа в письмах». Это «поясное» изображение лошади в боливаре и сюртуке, которое повернуто на 180 градусов по отношению к тексту и почти наверняка отношения к его содержанию не имеет. Рисунок мог появиться как раньше, так и позже текста: Пушкин иногда заполнял свои тетради в разных направлениях, используя одни и те же листы несколько раз. Вид у нарисованной лошади, на наш взгляд, явно басенный. Возможно, это графическое воплощение размышлений поэта над каким-либо сатирическим произведением, например, над известной басней И.И. Хемницера «Конь верховый», где гордый своим убором и положением конь хвастается ими перед рабочей клячей. А может быть, это дружеский шарж на кого-то из знакомцев поэта, любивших пощеголять и пофлиртовать: взгляд лошади как бы искоса и кудряшки, кокетливо выбивающиеся из-под боливара, наводят на эту мысль.

У Пушкина есть произведения, где конь - в числе главных героев. Это, прежде всего, «Песнь о вещем Олеге», сюжет которой заимствован из «Истории государства Российского» Карамзина. Пушкин опоэтизировал предание о гибели князя Олега от укуса змеи, выползшей из черепа его любимого коня. Поэт писал по поводу этого стихотворения А.А. Бестужеву в конце января 1825 г. из Михайловского: «Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического[13]». Иллюстрацией такого отношения служат сцена прощания

князя с конём после предсказания кудесника о гибели от него и сцена возле костей умершего коня.

Таки образом, образы лошади, коня, кобылицы проходят через всё литературное творчество Пушкина. Эти образы важны для понимания и восприятия его произведений, хотя и редко являются в них ключевыми. Лошади упоминаются Пушкиным и как участники происходящих событий, и просто в качестве гужевого транспорта, и в разных символических значениях. Изящные, красивые, динамичные изображения лошадей, с любовью начертанные рукой великого поэта, покрывают страницы многих его рукописей, являясь то автоиллюстрациями, то выражением жизненных устремлений, творческих замыслов и впечатлений от пережитого и увиденного им.

Список использованной литературы

1. Зуев Н. «Медный всадник» в русской критике. История истолкования // Литература в школе, 2005. - № 12.
2. Все произведения А.С.Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1949.
3. Сценой псовой охоты начинается поэма А.С. Пушкина «Граф Нулин». На титульном листе автографа поэмы (ПД № 74, л. 2) поэт нарисовал иллюстрацию – всадник, скачущий на коне, впереди которого бежит собака.
4. Языков Н.М. Собрание стихотворений. – М.: Советский писатель, 1948.
5. Аргамак – дорогая лошадь арабской породы.
6. Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение. – М.: Logos, 1999.
7. Портрет определён Л.Ф. Карцели. См.: Карцели Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках. – М.: Московский рабочий, 1988. С. 29-38.

8. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М.: Азбуковник, 2000.
9. Этот рисунок и ряд других воспроизводится по изданию: Денисенко С.В., Фомичев С.А. Пушкин рисует. Графика Пушкина. – СПб: Нотабене; Туманов и Ко, 2001.
10. Ряд рисунков, использованных в данной работе, воспроизведён по книге: Эфрос А.М. Рисунки поэта. - М.: Academia, 1933. Учтены также приведённые в этой книге комментарии.
11. Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник. – М.: Наследие, 1997. С. 45-46.
12. Свет небес, святая роза (лат.).
13. Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник. – М.: Наследие, 1997. С. 68.